

СМИ

АКАДЕМИЯ

СОВРЕМЕННЫХ

ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ

ТЕХНОЛОГИЙ

СМИ Вопросы морали и этики в
средствах массовой информации
СМИ.7. «Мастер и Маргарита» — перепост
месседжа Достоевского о Христе?

(количество частей – 1, число страниц - 26)

СМИ.7

Представляюсь: иеромонах Димитрий Першин, председатель Миссионерской комиссии при Епархиальном совете Москвы, выпускник факультета журналистики МГУ, за что я очень признателен факультету, и каждый день вспоминаю нашего декана (ныне президента журфака) Ясена Николаевича Засурского, который в свое время не принял радикальных решений, благодаря чему я закончил этот факультет, а затем и аспирантуру на философском.

Иеромонах Димитрий (Першин)

Тема нашей встречи – это загадки и шифры, наверное, одного из самых странных произведений 20 века – романа Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита». Но прежде чем вы будете мучить меня, я хочу замучить вас. И поэтому у меня будет несколько вопросов.

Вопрос первый: кто читал роман? Все читали. Чудесно. Отсюда вопрос второй: с чего начинается роман? Кто сказал, что с эпиграфа? Точно, среди нас есть-таки человек, который взаправду читал роман :)

Почему мы начинаем с эпиграфа? Потому что у этого романа очень сложная и тяжелая судьба, по своему уникальная в истории литературы. С этим романом случилась одна большая неприятность. Вы уже знаете, что текст существует только в интерпретации, в понимании, в прочтении. Отсюда множество интерпретаций Библии. Отсюда, в частности, возможность использовать тексты Священного Писания против их автора с большой буквы. Помните, дьявол цитирует Псалмы в пустыне, искушая Христа, вкладывая в эти святые тексты свои кривые смыслы? И отсюда первая проблема романа Булгакова – это контекстуальная беспризорность.

Тот смысловой контекст, смысловая оболочка, смысловое пространство, в котором он был задуман и написан, ныне утрачены и тому есть несколько причин.

Во-первых, роман вышел через 26 лет после смерти автора, надевшегося на его прижизненную публикацию. И за это время были репрессированы или эмигрировали, или просто умерли те читатели, которым он был адресован. Они были причастны той великой культуре, к которой и сам автор принадлежал, а те, кто пришел им на смену, — в большинстве своем — увы...

Во-вторых, сам текст этот был написан в эпоху ужесточающихся гонений, и внутренний цензор, несомненно, присутствовал и вычеркивал из этого романа все явные эпизоды, которые могли бы навести цензуру на мысль о том, что этот текст, как минимум, с двойным дном. Автор надеялся убедить цензуру в том, что этот закамуфлированный текст является богоборческим, атеистическим, но для умного читателя оставлял подсказки и намеки, которые перечеркивали бы вот это внешнее первое впечатление.

Роман без читателей

Беда в том, что роман был написан, и цензура его пропустила, а читателей не осталось. Как результат, мы имеем три опыта прочтения этого романа в XX веке.

Первый – на момент выхода романа в свет. Это восторг шестидесятников, нашей удивительной интеллигенции той эпохи. Мераб Мамардашвили, один из самых глубоких философов этого поколения, говорил о «шокирующей свободе слова», которая поразила его на страницах этого романа. Этот роман был прочитан через призму противостояния мыслящего человека, интеллигента, — и власти. Соответственно, вся система была вчитана в этот роман, в Понтии пытались узнать Сталина, в Мастере самого Булгакова, в Маргарите его супругу. Воланд представлял очень симпатичным ниспровергателем устоев. Иешуа Га-Ноцри казался человеком достаточно приятным во всех отношениях, проповедником. Именно эта эпоха дала учебники, по которым мы с вами учились в школах, учебники, которые пытаются втиснуть роман в такое прочтение.

Другое прочтение было дано в 1980-90-е годы – это такой своеобразный «водевиль со спецэффектами» — голая Маргарита на метле, бал у сатаны, некоторые попытки экранизировать роман. Бульварное, если позволите, площадное прочтение.

Третьей попыткой, третьим опытом прочтения был критически негативный отклик двух профессоров Московской духовной академии, которые усмотрели в этом романе пропаганду сатанизма, увидели сосредоточие, смысловой фокус романа в том самом балу у сатаны, ассоциировав его с черной мессой. Это Михаил Михайлович Дунаев, ныне покойный, и ныне здравствующий Николай Константинович Гаврюшин, по-прежнему профессор Московской духовной академии.

А потом, после всего этого, стали выходить черновики, дневники писателя, что-то из этого наследия сохранилось. Некоторые рукописи не сгорели, не были уничтожены. И оказалось, что эти три гипотезы не выдерживают элементарной критики. Почему? Потому что сам Булгаков в письме 30-го года правительству СССР, а реально — адресованное Сталину, написал о том, что он пишет роман о дьяволе. Не о любви Мастера и Маргариты, как писали в шестидесятые-восемидесятые годы, а о дьяволе.

С другой стороны, Булгаков действительно писал водевили, во всяком случае, театральные пьесы. Писал он их быстро – полгода-год максимум. Над этим романом он работал полжизни. Идея замысла пришла к нему, если верить его дневникам, в 1925 году, когда он посетил редакцию журнала «Безбожник». В последующих редакциях романа появляется журнал «Богоборец», прототип этого журнала, «Безбожника». Этот журнал редактировал человек по фамилии Губельман, псевдоним Ярославский. Он выходил огромными тиражами. Ярославский возглавлял в тот момент «Союз воинствующих безбожников».

Что пишет Булгаков? Я цитирую сейчас: «Пришел в редакцию, там сидит какая-то сволочь, на столе книга разложена, Библия. Взял подшивку номеров за год, пришел домой, стал читать. Там жестко критикуют грехи Церкви, это нормально. Но самое поразительное, — пишет он далее, — что там очерняют Иисуса Христа». Это выделено Булгаковым, подчеркнуто. Нетрудно догадаться, чья это работа. С этого момента рождается замысел написать роман о дьяволе. Собственно, первое, рабочее название романа – «Копыта инженера». Поэтому это, конечно, не водевиль со спецэффектами. Не случайное, не проходное произведение, а нечто гораздо более серьезное для самого автора.

Третий момент – гипотеза о сатанизме. Во-первых, мы все знаем, что Михаил Афанасьевич подвергался репрессиям за «Белую Гвардию», которая действительно была таким панегириком, панихидой, если позволите, по уходящей белой Руси. По той Руси, которой уже больше никогда не будет. Это был очень смелый вызов. Там в конце этого текста пасхальный образ Христа возникает, там есть молитва. Сейчас в экранизации мы ее видели. Получается странная вещь. Человек публично, открыто подставляется, сам себя погружает в советскую мясорубку, потому что именно этот роман вызвал такую ненависть и ярость. Он, в конце концов, мог бы отречься от этого и, как Иван Бездомный, подрабатывать дурацкими стишками или текстами. Он этого не делает. Получается загадочная вещь: человек публично, открыто подставляет свой лоб под дуло палача за свои, в том числе, и христианские убеждения, а по ночам кропает какой-то злобный антихристианский текст, который он мог бы опубликовать и заработать на этом, решить свои задачи.

На рукописи романа мы читаем надпись: «Господи, помоги закончить роман!» Это 7 версия романа. Сатанисты такие вещи не пишут, это очевидно.

С чего начинается...

В этом романе нет случайных цитат, нет случайных эпитафий, нет случайных слов. Он глубже, чем кажется. При внешней простоте он имеет несколько уровней прочтения и понимания. Я боюсь, что самый глубокий мы не замечаем просто потому, что сами — жертвы 80-летней безграмотности, невежества. Многие понятия просто отсутствуют в нашей лексиконе.

Поэтому сейчас мы попробуем реконструировать некоторые вещи в этом контексте, посмотреть из другой перспективы, из той, в которой этот роман был написан, и подумать о том, что еще мы можем здесь найти. Каждый сам это найдет, конечно. Отсюда вопрос: какой эпитафия к роману поставил Михаил Афанасьевич Булгаков?

Из зала: «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Это чьи слова? Это слова Мефистофеля. Из великого произведения Гете. Отсюда второй вопрос: а кто читал «Фауст» Гете? Такие люди тоже у нас есть. Мир меняется к лучшему. А помните ли вы, с чего начинается уже этот текст? А третий вопрос — знаете какой будет? А какая еще книга начинается точно так же, но не совсем так? Книга с очень большой буквы, в истории человечества очень известная, одна из самых богоборческих.

Я напомним: «Фауст» Гете начинается с того, что Мефистофель появляется в некотором особом измерении, обращается к Богу и говорит: «Слушай, дай мне кролика для опытов – Фауста, тем более, что он сам нарывается. Человек эпохи Просвещения, экспериментатор». И Бог ему позволяет поставить эксперимент над этим созданием. А дальше, после пролога, начинается история хождения по мукам уже самого Фауста. Так вот, не помните ли вы, какой текст в истории человечества начинается точно так же? Но есть одно очень важное отличие.

Ответ из зала: Книга Иова.

Книга Иова, совершенно правильно. А в чем отличие, помните? Сатана приходит к Богу и задает ему, наверно, самый коварный, самый жесткий вопрос, который всем нам известен по чудному мультфильму. Он спрашивает: «А Тебя люди даром любят? Безвозмездно ли они Тебя любят? Или Ты для них – всего лишь источник помощи? Чтобы зачет поставили». Чтобы оценочку поставили, пойду свечку поставлю Татьяне, помолюсь, перекрещусь. А когда помощь дана, Ты мне не нужен, зачет стоит, живем дальше.

И Бог говорит: «Вот есть человек, его имя Иов, который любит Меня не за что-то, а просто». Тогда дьявол отвечает: «Конечно, ему легко Тебя любить. У него есть все. Он богат, у него есть власть». И тогда Бог ему позволяет или попускает коснуться социальной кожи Иова, но не касаться его тела и его души. Происходит землетрясение, налетают ветры, какие-то варвары захватили стада, обрушился дом, погибли дети. Но Иов жив и здоров и продолжает быть верным Богу.

Когда сатана появляется второй раз, Бог ему говорит: «Вот видишь?» Дьявол говорит: «Да, но у него есть здоровье, ему есть, что терять». Бог позволяет ему коснуться тела Иова, но души его не касаться. То есть Иов остается свободным в своем страдании. Его поражает проказа, и он сидит на черепках, я так предполагаю, не могу утверждать точно. Сидит на черепках, счесывает с себя эти струпы и остается верным Богу.

И тогда тот же голос, который звучал только что, адресуя свои провокации к Творцу, звучит здесь, но уже через людей. Первой приходит жена и говорит: «Прокляни Бога и умри». Иов отвечает знаменитые слова: «Как же, мы доброе будем от Бога принимать, а злое не будем?» Жена исчезает, приходят друзья, которые ему все объясняют. Есть такие люди, они, наверно, вам тоже встречались на жизненном пути, которые все всем объясняют. Они очень благочестивые, говорят: «Слушай, ты раньше был праведный, у тебя все хорошо было. Теперь ты согрешил, покайся, и все вернется».

9 раз они с этими вещами приступают к Иову, в итоге они его достают, и он их прогоняет. И он буквально кричит Богу: «Я не понимаю, Господи, что происходит! Я тот же самый. Я какой был, такой и остался».

Кто читал «Книгу Иова»? Есть такие. Так помните, что Бог отвечает Иову в ответ на его вопль?

Бог его спрашивает: «Иов, а ты вообще что-нибудь понимаешь в этом мироздании, в промысле?» Дальше идет длинный перечень того, чего человек понять не может. Он говорит: «Ты ли связал уста Левиафану и Бегемоту?» Речь идет не о зверушках в зоопарке, конечно же. Это очень древний текст. В «Книге Иова» упоминается письмо на камне. Сергей Сергеевич Аверинцев предполагал, что это самый древний или один из самых древних текстов Писания, очень архаичный.

Это загадка для современной физики, почему при всех силах энтропии наш мир сохраняет свою форму и подчиняется неким законам? Почему силы энтропии не разорвали мир в пыль? Что поддерживает существование каждого из нас? Каждый из нас – это набор клеток, атомов, протонов, кварков и многих других частиц, которые никто еще не знает.

Так вот вопрос: а что связывает их воедино? И дальше там идет серия образов, он говорит: «Ты ли оградил море песком?» Это загадка для древнего создания, как мягкий сыпучий песок ограничивает этот хаос? Потому что море – это образ хаоса. И тогда Иов в ответ говорит: «Господи, я не понимаю ничего. Но если раньше я только слышал, ныне мои глаза видят Тебя». Это страдание, как доменная печь, прокалила душу Иова до такого золота, что оно смогло отразить иные истины о Боге, которые раньше он не мог даже предположить.

Конец у этой книги очень смешной: к нему опять все богатство возвращается, приходит жена, рождает ему еще кучу детей с очень смешными названиями. Одно из них – «Коробочка для благовоний». Что позволяет предположить, — это не подлинный конец книги, это приписка для глупого читателя. В сказке должен быть хэппи-энд, вот он есть.

Это очень жесткая книга, очень богоборческая. Такая появляется горькая пилюля в тексте Ветхого Завета. Ответ следующий: чтобы отучить людей мыслить о Боге по собственному подобию, творить Бога по собственному образу. Помните гипотезу Фейербаха, что человек умножает себя на бесконечность и помещает наверх – так возникает Бог. По-человечески это очень логично. А Бог, оказывается, за пределами этой логики. И страдание может в этот мир приходиться не только по каким-то причинам, но и ради высшей цели. И помощь может быть оказана вопреки всему, несмотря на то, каким бы ты большим поросенком ни был.

И поэтому когда Христос умирает на кресте, «Книга Иова» тут как раз и вспоминается. Она не дает возможности пройти по накатанному пути: хорошо себя вел – все было, плохо себя вел — распяли. Хотя такая логика тоже существует в Писании, уже в Новом Завете. Помните, Христос исцеляет и говорит: «Больше не грешь, а то нечто худшее случится с тобой». Это возможно. Но возможно и другое. Когда слепорожденного Он исцеляет от слепоты, его спрашивают, ради чего он слепой. «Чтобы явилась на нем слава Божья».

Так вот, «Фауст» Гете начинается почти так же. Но эту реальность моделирует уже Гете, поэтому он в своем тексте устами Бога разрешает Мефистофелю коснуться и души Фауста, поэтому непонятно, насколько Фауст неодолим, насколько он свободен. Там в конце описывается суд, который проходит Фауст. Непонятно, он

все-таки оправдан или погиб. Есть разные толкования. Видимо, сознательно Гете на это идет.

Слово или дело?

Непонятно, насколько Фауст отвечал за свои поступки, насколько он был свободен. Дальше, после Пролога в «Фаусте» сам Фауст, человек эпохи Просвещения, идет гулять в лес, где к нему прибился пуделек черный. Помните набалдашник трости Воланда? Они подружились, вернулись. Пудель ведет себя адекватно. Фауст встает за конторку и что-то начинает делать. Вы помните, что делает Фауст? Он ставит эксперимент. Не помните, какой? Он по-своему переводит Писание. Не столько переводит, сколько переписывает, изменяет так, как ему кажется лучше.

Но Писание же огромное. Поэтому он берет какую-то важную часть. В Писании есть Ветхий Завет и Новый. С позиции Гете, который был христианином, как вы думаете, какой более значим? Новый? Но Новый Завет – это 27 книг, какой текст из этих 27 книг самый главный? Евангелие? Но Евангелий 4. Какое из них читается на Пасху? Кто знает? Кто был в храме на Пасху? Евангелие очень большое, там много глав. Что читают на Пасху? Какие слова? Не помните? «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было — Бог». Почему? Потому что это смысловой контекст, то Слово, которым мир был сотворен Отцом, Оно пришло, чтобы этот мир спасти, вытащить из смерти, греха, ужаса, страстности. Возвести на Небо.

А Фауст пишет — в начале было дело – *das Werk* по-немецки. В этот самый момент пудель раздувается в Мефистофеля и начинается трагедия Фауста. Мефистофель получает власть над душой Фауста.

Вам эта история ничего не напоминает? В романе Булгакова? Кто читал роман Булгакова? Забегу вперед и скажу, что Воланд ничего править не может, у него творческого дара нет. А Мастер – это уже не Воланд, это не совсем медиум, это свободная воля, свободная личность. Это история Мастера, который тоже ставит некий эксперимент над текстами Писания, а в результате обваливается небо. Тем самым эпиграф задает тему булгаковского романа, тему творца, который вносит грязь, нечистоту в свое творчество, и бумерангом эта грязь возвращается к нему.

У самого Михаила Афанасьевича такого рода образы вам встречались? Да, в «Собачьм сердце». А еще? В повести «Роковые яйца». Языком какого русского писателя пишет Булгаков? Конечно, Николая Васильевича Гоголя. А у Гоголя подобные сюжеты встречаются в текстах? Где? «Портрет» помните? Художник вносит в творчество нечистоту, грязь, злобу, inferнальные нотки, и картина ломает его жизнь.

Но если у Гоголя и у раннего Булгакова ошибки, допущенные творцом, лишают его этой жизни, то в Мастере и Маргарите эксперимент, который ставит Мастер над главными смыслами, перечеркивает его Вечность. Не только земную участь, но и вечную.

Шизофреник или вербовщик?

Поэтому мы переходим ко второму месседжу, который дает нам эпиграф. А вас никогда не смущало то, что автор этих слов – «Я — часть той силы, что вечно хочет

зла и вечно совершает благо» — либо лжет, либо шизофреник? Если предположить, что Мефистофель не шизофреник, тогда он вербовщик. Так работает нормальная вербовка, надеюсь, вас здесь еще учат этому. Манипулировать, вербовать, создавать впечатление?

Голос из зала: «Учат скрытно»

- Очень хорошо. Так вот, стало быть, вы знаете, что грамотная вербовка – это 99% правды и 1% лжи, который переворачивает всю правду вверх ногами. Давайте я вас попробую завербовать в сатанисты, а вы попытайтесь найти, где я совершаю эту подмену. Подходит к вам вербовщик и говорит: «А ты слышал, что христиане говорят, что будет Страшный суд? Слышали? А на Страшном суде Бог что будет за грехи с человеком делать? В ад совать. А ты можешь не грешить? Нет. Значит, ты где будешь? В аду. Так давай сейчас договоримся с хозяином. И тут погуляем, и там место попрохладнее». Ну что? Где подмена? Происходит подмена образа Бога. Помните, мультики про Тома и Джерри, там была кошачья лапа, которая всех лупит, лупит, лупит. Получается, и здесь ничего нельзя, и там — сковородка.

Скажите, а «Братьев Карамазовых» вы тоже читали? Помните, там точно такая же идея выражена Достоевским? Где? Злая баба, в огненном озере. Ангел плачет, говорит ей: «Вспомни хоть что-нибудь доброе, я тебя отсюда вытащу». Она вспоминает: «Я подала милостыню». Милостыня – это громко сказано, нищенка кланчила подаяние, а баба её ругала, костерила: она пропальвала грядку. Она вырвала луковицу и запульнула в нищенку. Нищенка на её счастье поймала. Ангел не поленился сгонять за луковкой. Протянул бабе, та схватилась и Ангел говорит: «Буду тебя вытягивать из озера». Помните, что дальше? За неё схватились другие грешники, пытаюсь выбраться из этого ужаса, и тут баба начинает брыкаться, кричать: «Я тут одна еле вылезая, ещё вы за меня уцепились?!» Тут луковка и разорвалась.

Достоевский этот сюжет, возможно, берет из «Пролога». Это сборник шпаргалок для батюшки. В 19 веке священник не произносил проповеди, а читал. И там среди проповедей есть такая, о Петре, булочнике-хлебопёке, на счастье которого не три девицы, а три бомжа под его окном заключили пари, что один из них разведет его на милостыню. А он никому не подавал в принципе. И утром этот хлебопек идет со своей тачкой, а нищий за ним пустился, просит подать. Тот его ругает, пинает. В конце концов взял хлеб, разбил ему в кровь лицо этой булкой, бросил ему её и пошел хлеб раздавать.

А ночью этот булочник, Петр, умер. И вот суд, некий голос говорит: «Его надо наказать, он вечного огня заслуживает, ничего доброго не сделал». А другой говорит: «Нет, он же сегодня милостыню подал. Дадим ему возможность жить». Петр просыпается совсем другим человеком. Какая главная идея здесь? Ее выразил замечательный современник Достоевского, Феофан Затворник, он говорил, что Бог хочет только миловать и миловать, так дайте же Ему помиловать себя.

А вы с Псоем Короленко не знакомы лично? Я знаком. Это совершенно потрясающий человек, который даже Владимира Сорокина пытается оправдать. Не в смысле, оправдать грязь, которая существует в его текстах, а попытаться найти такую мотивацию писателя, при которой ущерб душе будет наименьшим. Я думаю, что Бог примерно так же будет нас судить. Он ищет те интерпретации наших

действий, которые не осуждают нас. Вот об этом говорит Феофан, что Бог желает спасти и помиловать. Именно это подменяет вербовщик-сатанист.

Доказательство от противного

Так вот, когда Мефистофель говорит, «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо», здесь мы видим и вторую тему романа, которую задаёт Булгаков. Это попытка доказательства от противного. Как говорил замечательно Дмитрий Сергеевич Лихачев, комментируя «Мастера и Маргариту», что после прочтения этого романа в бытии дьявола сомневаться нельзя. Есть силы, которые хотят зла, именно духовные силы. Ну а раз им не удается совершить все задуманное, что это значит? Раз некоторое благо происходит вопреки воле сил зла, значит, есть некая Сила, которая сдерживает зло, которая набросила намордник на него, и на коротком поводке это зло держит. Пока мы сами не впускаем его в наш мир, в наше сердце. И вот это самая интересная часть романа – доказательство от противного.

Дальше мы переходим к роману, начинается он на Патриарших, там два товарища собрались, Берлиоз и Бездомный. Один – редактор журнала антирелигиозного, другой – начинающий поэт. Не помните, по поводу чего они там ссорятся? Что не нравится Берлиозу в тексте поэмы, которую написал Бездомный? «Христос у тебя получился почти как живой», — говорит он. Это ужасно, потому что для Берлиоза Христос – это некая абстракция, продукт мифологического сознания, находящийся в длинном ряду других мифологий. А Бездомный искренне и честно ненавидит Христа. Такая чёрная замечательная ненависть. Яркая, чудесная просто.

Перед нами разворачивается калейдоскоп разных вариантов неверия, безбожия. Они очень разные. Правильный путь только один, а ошибочных — очень много. И вот перед нами такой обзор того, что можно с собой сделать. И вот разница между атеизмом Берлиоза и Бездомного замечательно выражена Иосифом Бродским в его чудной поэме, «Два часа в резервуаре»:

Есть мистика. Есть вера. Есть Господь.

Есть разница меж них. И есть единство.

Одним вредит, других спасает плоть.

Неверье - слепота, а чаще – свинство.

Так вот, разница между свинством и слепотой – это разница между состоянием души Берлиоза и Бездомного. Об этом же мы читаем в Апокалипсисе. Ангелу Лаодикийской церкви Бог говорит: «О, если бы ты был холоден или горяч, но ты теплостуден, и Я изблюю тебя из уст Своих». Вот температура души Берлиоза – это температура плевка. Индифферентность, безразличие. Гораздо хуже, чем хоть какая-то позиция. Это мёртвая душа. Вот «Мертвые души», о которых писал Гоголь, перед нами возникают во всем своем бесславии. Так вот, поэтому для него, конечно, для этого болота стоячего, в которое превратилась душа Берлиоза, ужасно то, что круги пошли, пусть даже круги ненависти. Отрицание – это всё-таки какое-то движение. Ему дискомфортно, что кто-то воспринимает Христа и Его идеи всерьез.

Иностранец

Вот к этим двум товарищам добавляется третий. Иностранец, Воланд. Он предлагает свою версию атеизма, гораздо более тонкую и красивую, убедительную, которая придёт в этот мир уже за пределами торжествующего безбожия советского разлива. В этой версии Воланд говорит: «Имейте в виду, что Иисус существовал». Заметили, где слова Воланда расходятся с христианской традицией? Глагольное время. «Сидящего одесную Отца», — поём мы в «Символе веры». Настоящее время. А если Он существовал, тогда прав Антихрист в «Трёх разговорах об Антихристе» Владимира Сергеевича Соловьёва. Это последний текст, им написанный, совершенно потрясающий, пророческий. Там и Китай уже упомянут, как одна из угроз современного мира. Будет оказия, посмотрите, написано очень хорошо, на него можно всегда ссылаться. Потому что Соловьёв – это наше все в философии, а его никто не читал.

Как там происходит окончательное падение Антихриста? Антихрист – это обычный человек, у него все получается, он очень известен, огромная популярность, прекрасная пресс-служба, он всех помирил, со всеми подружился. На пике популярности он сидит у себя на даче и размышляет: «Вот если Христос воскрес, тогда мне что, надо будет крестом перед ним как последняя баба быть распростертым? Нет, нет, нет, сгнил, сгнил, как последнее...» Далее — многоточие. Но понятно, какое слово там стоит. И с этим воплем этот несчастный осатаневший человек убегает во тьму. Там происходит его окончательное падение. Воланд с данного тезиса начинает разговор с этими двумя товарищами.

Кстати говоря, не знаю, есть ли здесь сторонники импозантности Воланда, но для Булгакова... Я забегаю вперед, но отмечу. В этой же сцене мы читаем: «Так вы атеисты?», – привизгнул Воланд».

Скажите, есть крещенные люди в аудитории? А вы присутствовали при крещении? Крестными были у кого-то? А ничего там про привизгнувшего Воланда не слышали? В чинопоследовании Крещения?

Так вот в этом чинопоследовании – две части. Одна – оглашение, другая – само Крещение. В оглашении есть запретительная молитва. Когда священник обращается напрямую к дьяволу со словами запретов. «Не касайся души, не искушай, не смущай» и так далее... И там священник ссылается на прецедент. Говорит: «А помнишь, когда Христос изгнал тебя из бесноватого, ты просился в свиней войти, потом что даже над свиньями у тебя власти нет. И только когда тебе разрешили, и ты в них вошел, они все потопли». Понятен этот сюжет? Почему вдруг в свиней и вдруг Бог разрешил утопить замечательных свинушек? Да, это не кошерно. Жители Иудеи, которые их выращивали, сами не ели, а продавали язычникам. Такое лицемерие в квадрате. Нельзя на две ноги хромать. Или ты уже тогда ешь свинью, будь язычником, твоё дело. Или если сам не ешь, то и другим не продавай. Поэтому, когда пришли хозяева, они больше не из-за свиней расстроились, а из-за того, что они поняли, кто они. И попросили Христа уйти. А бесноватый и исцелённый – остался. Христос говорит ему: «Ты останься, ты будешь Моим свидетелем здесь». И когда Он в другой раз в эту деревню приходит, его уже принимают.

Так вот, Воланд наделяется чертами понятно какого животного совершенно не случайно. Там будет много намеков, которые выражают личное отношение Булгакова к этому персонажу. Он совершенно им не восхищается.

Убил старушку, потому что не то съел?

Дальше вдруг всплывает тема доказательства бытия Божия. Не помните, какого философа Бездомный хотел сослать на Соловки? За что, не помните? За шестое доказательство, а в чем оно заключается? А у вас была философия? Проходили философию? Понятно — проходили мимо.

На самом деле не такое сложное доказательство. Кант – это уже современная научная картина мира, в котором всё происходит по законам, в котором есть цепи детерминации, логические цепочки. У каждого события есть некая причина, а из него есть некое следствие, за одним исключением – человек. Человек не может сказать, что он сегодня взял топорик и убил старушку, потому что съел не то, биохимия не та у него сегодня. А если он даже это скажет, ему все равно никто не поверит, будут судить.

Кант обнаруживает странное противоречие. Весь мир живет по закону причинности, но человек не может оправдывать свою подлость биохимической причинностью или психологической – какой угодно. Потому что каждый раз, прежде чем совершить гадость, я себе сам разрешаю, даю санкцию на эту гадость. Значит, я не равен тем атомам, молекулам и той биохимии, которые во мне. Мое бытие не одномерно. Даже не двумерно. Я не ленточный червь. Человек больше Вселенной. В нем есть то, чего нет в этом мире.

Скажите, а вам известна галактика Свободы? Или планета Любви? Откуда тогда в человеке то, чего нет во Вселенной? То есть по сути, что такое человек – это кентавр. «Гарри Поттера» читали, надеюсь? Это кентавр, в нем две природы. Этого и какого-то иного мира. Как говорил Александр Галич, человек – посол, не имеющей названия державы. Дипломат, живущий по другим законам, по другой конституции, нежели страна, в которой он живёт.

А если во Вселенной нет любви и свободы, и закона свободы физика не знает, как и формулу любви не знает химия или биология, значит некая не космическая, неотмирная свобода и любовь поделились с человеком этим заранее, одарили его этим.

Любовь и свобода — это атрибуты личности, не бывает абстрактной любви и свободы. Значит есть некая неотмирная Личность, абсолютная по всей видимости, любящая и свободная, Которая подарила человеку то, чего в этом мире нигде ни у кого нет. Но это и есть Бог. Вот так Кант от факта свободы человека переходит к бытию Бога.

Вы помните реакцию Бездомного: «Канта на Соловки на три годика»...

Седьмое доказательство

Понятно, почему вообще возникает тема доказательства бытия Божия в романе Булгакова? Потому что после этого Булгаков начинает конструировать своё

доказательство – седьмое. Там даже глава так называется – «Седьмое доказательство». Я уже о нём сказал два слова, когда мы обсуждали эпитафию.

А вот дальше возникает самое интересное, появляется роман в романе, возникает образ Иешуа Га-Ноцри и вся история, связанная с ним. И вдруг мы начинаем замечать расхождения, некую дельту. Есть версия, которую озвучивает Воланд от лица очевидца, хотя на самом деле Воланд не очевидец, Воланд – вор. Он занимается плагиатом, он взял текст Мастера и выдаёт его за свои наблюдения. Но при этом сам Воланд и его свита верят в совсем иного Иешуа. Их вера, их точка зрения – я сейчас о Воланде и его свите – иная, чем то, что мы видим в истории, написанной Мастером.

И вот здесь мы переходим к самому интересному и мало замеченному до сих пор сюжету или параллели в творчестве Булгакова. Дело в том, что такого Иешуа Га-Ноцри уже изображали в русской литературе. С проповедью об Иешуа Га-Ноцри уже обращались в истории Европы (не только России) сторонники крайне либеральной, протестантской Тюбингенской школы богословия. Это Штраус, это Ренан. У них — смазливый Иисус, очень симпатичный, нравится женщинам, но не поддаётся их провокациям, проповедник моральных норм – жалко, что умер.

В России такую точку зрения разделял Лев Николаевич Толстой. Помните, как он говорил, что надо читать Евангелие с сине-красным карандашом. Синим — вычёркивать всё, что тебе не нравится, а красным – то, что нравится. А потом читать только красное. Вычёркивая всё, что касается Воскресения, Богосыновства, того, что Иисус не только мораль здесь провозглашал. Таких много было и до Него, а Он был действительно сыном Божиим. А если Он — Сын, то соответственно во всей полноте и Бог.

Ведь кто сын тигра – тоже тигр, а Сын Бога – это Бог. Соответственно он здесь не мораль читал на земле, он прошёл тем путём, которым мы когда-то не прошли, благодаря Адаму и Еве – сквозь смерть. До смерти дошёл, чтобы нас оттуда и вытащить. И открыл нам Царствие Небесное.

Для Льва Николаевича всё это фантазия, поэтому он всё вычёркивает и оставляет только мораль. И вот тогда Фёдор Михайлович Достоевский делает совершенно гениальный ход. Он пишет роман «Идиот». Помните, как звали главного героя – Лев Николаевич. Если мы посмотрим в этого Льва Николаевича, князя Мышкина, то обнаружим, что Иешуа Га-Ноцри практически дословно взят отсюда. Я сейчас зачитаю совпадения, параллели проведу, чтобы предложить вам тоже подумать, ведь, может, я и не прав.

Иешуа Га-Ноцри – князь Мышкин

Сразу скажу, что эту работу проделал Александр Леонидович Дворкин, известный историк церкви, теолог, богослов, профессор Свято-Тихоновского Православного университета. Ту историю, которую я вам рассказываю про Иешуа Га-Ноцри, и вообще про роман, замечательно выразил — и можете посмотреть в интернете — протодиакон Андрей Кураев. Поскольку я в своё время тоже об этом писал и какие-то статьи у меня были выложены, здесь я синтезирую свои более ранние гипотезы и то, что сделал Дворкин.

Так вот, зачем это нужно Достоевскому. Он показывает, что такой моралист, «прекраснодушный Дон-Кихот», каким был Идиот князь Мышкин, не может изменить этот мир. Его миссия заканчивается полным провалом, терпит фиаско. Поэтому гипотеза Толстого не работает.

Давайте посмотрим на параллель. Князь Мышкин: невинен как дитя, он приходит к людям с проповедью Царства Божьего на земле. Иешуа: проповедует Царство Божие на земле, «всякая власть является насилием над людьми», «настанет время, когда не будет власти кесаря, никакой другой иной власти, человек перейдёт в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть». Сразу скажу, это из публикации Дворкина в журнале «Альфа и Омега», номер 50.

Князь Мышкин: «Теперь я к людям иду, я может быть, ничего не знаю, но наступила новая жизнь». Иешуа Га-Ноцри тоже всё время проповедует людям, хлебом не корми – дай попроповедовать.

Князь Мышкин: «Вы философ и нас приехали поучать». «Я действительно, пожалуй, философ». Князь с одной стороны ведёт себя, как смешной дурачок, а с другой – как мудрец и философ. Иешуа аттестуется, как бродячий философ, поучающий всех, и одновременно ведёт себя и воспринимается окружающими, как юродивый.

Князь наделён пророческими чертами, Иешуа тоже пророк. Лет князю Мышкину 26-27, Иешуа тоже 27-летний проповедник. Черты князя: плащ с капюшоном, очень белокур, голубые пристальные глаза и лицо изыбшее, в поношенной старой одежде. Иешуа Га-Ноцри: голова покрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, голубой хитон, глаза его обычные ясные, старенький, разорванный хитон.

В начале романа Достоевского князь нищий, без средств к существованию, бедность не порок. Иешуа Га-Ноцри тоже нищий, без средств. Князь Мышкин без дома – путешествует из Швейцарии в Питер, затем в Москву, затем по России, опять в Питер и т.д. То же самое Иешуа Га-Ноцри: у него нет постоянного жилища, он путешествует из города в город, бродяга Иешуа Га-Ноцри. Как они себя ведут: князь Мышкин «ответил с чрезвычайной готовностью, с необыкновенной поспешностью признался». Иешуа Га-Ноцри «торопливо отозвался, арестованный всем существом, выражая готовность отвечать толково, поспешно ответил, живо ответил, охотно объяснил».

Князь Мышкин «излишек воображения, Вы думаете, я утопист». Иешуа Га-Ноцри «безумные утопические речи». Обратите внимание на анахронизм – такого слова в 19 веке, быть не могло, оно позднее возникает.

Обучался князь Мышкин «кое-чему только», Иешуа Га-Ноцри тоже без школьного образования, «своим умом дошёл до этого». Князь Мышкин просто идиот, Иешуа Га-Ноцри «сумасшедший», сравнивается со слабоумным, «душевнобольной, безумные утопические речи, безумный преступник, явно сумасшедший человек».

Что говорит князь Мышкин: «все люди хорошие, Вы поступили со мной как чрезвычайно добрый человек». То же самое суждение у Иешуа Га-Ноцри – «все люди добрые, злых людей нет на свете». Князь Мышкин: «С прирождённой болезнью моею даже совсем женщин не знаю, я не могу жениться ни на ком». Допрос Иешуа: «Жены нет – нет, я один». Мышкин: описывает осла, как ему

нравится это животное, не обижается, когда его называют ослом. Иешуа Га-Ноцри: «А верно ли, что ты явился в Ершалаим верхом на осле?» Не обижается, когда его называют собакой.

Князь неоднократно заводит речь о смертной казни, описывает казнь. Иешуа казнён. Слова Мышкина: «Неужели, в самом деле, можно быть несчастным?». «Злых людей нет на свете», — говорит Иешуа. У князя нет знакомых в Петербурге, он приезжает, его никто не встречает. Иешуа приходит в Ершалаим с Левием Матвеем. На допросе на вопрос: «Правда ли ты вошёл в город, сопровождаемый толпой черни, кричавшей тебе приветствия как некому пророку?», он отвечает: «Никто мне ничего не кричал, так как никто меня не знает».

Ещё два персонажа из романа Булгакова встречаются нас в «Идиоте». Парфён Рогожин – Левий Матвей, конечно. За несколько сердечных слов Мышкин Рогожина называет уже своим братом. Крёстный брат Мышкина Рогожин. И Левий Матвей – единственный ученик Иешуа и ближайший ему человек. Рогожин – антитеза Мышкину, Левий неверно записывает все слова Иешуа. Рогожин «курчавый, почти черноволосый, черномазый, небольшого роста». Левий – «чернобородый, чёрен, оборван, маленький и тощий». Рогожин – «с серыми маленькими, но огненными глазами, странный тяжёлый взгляд, как ты тяжело смотришь». Левий – «смотрит по-волчьи, исподлобья, горящие глаза, гноящиеся от солнца и бессонницы глаза». Рогожин – «грязный палец правой руки», Левий – «грязный и покрыт грязью».

Оба впервые появляются в романе после неожиданной болезни, до конца ещё не оправившиеся, оба испытывают слабость после болезни. До встречи с Настасьей Филипповной Рогожин ничего не знал и не любил кроме денег, воспылав страстью к Настасье, он позволяет ей бросить громадную сумму наличных в огонь. До встречи с Иешуа и страстного ученичества Левий Матвей был сборщиком податей. После встречи с Иешуа он бросает деньги в грязь на дорогу, сказав, что деньги ему стали ненавистны.

Рогожин – «рассеян, тревожен, странен, слушает – не слушает, глядит – не глядит». Тоже «мутный, равнодушный ко всему» взор Левия Матвея. Рогожин хочет силой воротить свою потерянную веру, Матвей молит Бога при кресте, чтобы силой вынудить Его поскорее убить Иешуа. Рогожин пытается убить Мышкина ножом, в это время душу Мышкина озаряет необычайный внутренний свет. Левий хочет убить Иешуа ножом, вместо того, чтобы тот умер на кресте. У Рогожина в доме изображение мёртвого Христа, копия знаменитой картины Гольбейна, из-за которой можно потерять веру – он её и теряет. И — жёлтое, обнажённое тело умирающего Иешуа на кресте, которое наблюдает Левий. Левий остаётся с мёртвым телом человека и теряет веру, грозит Богу.

Последняя параллель – садовый нож, купленный в лавке, которым Рогожин пытается убить Мышкина, и хлебный нож, украденный в лавке, которым Левий хочет убить Иешуа. Оба героя вспыльчивы, с горячим характером, оба оставляют свою прежнюю главную страсть – деньги, ради одной идеи. На самом деле ради любви..

Ну и последняя параллель – Иуда Искариот, у Достоевского это Ганя Иволгин. «Очень красивый молодой человек лет 28, стройный, средне-высокого роста с маленькой наполеоновской бородкой, с умным и очень красным лицом, только улыбка его при всей его любезности была очень уж тонка, зубы выставлялись при

этом очень уж жемчужно ровно, взгляд был что-то уж слишком пристален» – это Ганя Иволгин. И вот Иуда Искариот – «молодой человек, очень красив, с аккуратно подстриженной бородкой, горбоносый красавец, молодой красавец, его мёртвое лицо представилось смотрящему белым, как мел, и каким-то одухотворённо красивым». У Гани – «звонкий, приветливый голос», у Иуды – «высокий и чистый, молодой голос».

У Гани – «страсть к деньгам главная в нём», «Ганя женится только на деньгах», у «Гани душа чёрная, алчная, нетерпеливая, завистливая и необъятно, непропорционально самолюбивая, в его душе сошлись страсть и ненависть». Страсть к деньгам – главный признак Иуды. Ганя ведёт финансовые дела генерала Епанчина, Иуда работает в меняльной лавке у одного из своих родственников. Ганя проводит князя в свой дом, приглашает на обед. «Иуда пригласил меня в свой дом в нижнем городе и угостил». Ганя обманывает Мышкина по деньгам. Мышкин про это знает и Ганя знает, что Мышкин про это знает, ненавидит князя и даёт ему пощёчину. Ради денег Иуда предаёт Иисуса-Иешуа, отправляет его на смерть.

Зачем Булгаков наделяет Иешуа Га-Ноцри чертами, признаками князя Мышкина и других героев? Что он хотел сказать этим? Он делает очень интересную вещь – показывает источник вдохновения и Льва Николаевича Толстого, и Леонида Андреева. Помните его «Иуду Искариота», какой там Иешуа: «субтильный, непонятный. Он маркирует эту точку зрения, этот взгляд Воланда. Это через его глазницы надо смотреть, чтобы так увидеть христианство.

Самое главное, этой версией вычёркивается в христианстве, что Иисус — это Сын Божий. Бог, ставший человеком. Здесь — это всего лишь моралист. Такова весть, которую Воланд распространяет в мире людей. Сочинил это, конечно, Мастер. Потому что возможность творить дана только человеку, ангелы не могут – ни падшие, ни светлые. А вот разносить они могут, ангел, по сути, — это e-mail, они вестники, они информацию до нас доносят.

Подстрелить беса

А вот дальше начинается череда событий, которые перечёркивают эту версию Воланда. Помните момент, когда Бегемот издевается над НКВД, его пытаются подстрелить, что-то ещё сделать, а он над ними прикалывается. Булгаков, напомним – это сын профессора Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова, который как раз изучал западные исповедования, либеральный протестантизм... А деды Булгакова были священниками. И он не мог не знать того, как Лютер, который отрицал уже святую воду, церковь, таинства, католичество, сидел, переводил Писание на немецкий язык, и ему явился чёрт, начал корчить рожи, издеваться. А Лютер был человеком очень вспыльчивым, горячим – что делать? От святой воды он отказался, от этого оружия, от этого арсенала. Тогда он взял чернильницу и запустил её в чёрта. Не знаю, попал или нет, но чёрт слинял очень довольный, что вывел Лютера из себя, а пятно до сих пор показывают в музее Лютера.

Так вот попытка подстрелить беса — нечто подобное. То же, что замерять дозиметром благодать, сейчас это очень популярно. И конечно, Булгакову доставляло удовольствие описывать, как атеисты пытаются сетями или пулемётами, техническими средствами удержать духовную реальность — агрессивную, злобную,

падшую. Сообщение простое: если в доме барабашка завёлся, евроремонт не поможет. Квартиру надо освящать.

Ожидая фокуса...

Бесы творят всё, что хотят. Забросили в Ялту Стёпу Лиходеева. НКВД поставили перед фактом, что мир сложнее, чем было рассказано в кратком курсе в истории КП(б). Но те же самые бесы вдруг проявляют нервозность, срываются на крик, когда что происходит? Помните, Мастера и Маргариту умертвили, они со свитой Воланда выходят из дома, чтобы сесть на чёрных коней и ускакать навсегда. И в этот момент ситуацию замечает старушка кухарка, которая идёт с рынка и несёт сельдерей. Старушка пытается перекреститься, и вдруг Азazelло срывается на крик: он развернулся и с седла крикнул «Отрежу руку!».

Но что же его испугало в этом жесте? Если бы на кресте был приколот какой-нибудь пацифист, бродячий философ – да мало ли убивали философов, — он бы не пугался. Сократа отравили, и что теперь, знак чаши позволяет избавляться от барабашек? Нет. Только один крест реально страшен для сил зла. Если на нём Бог умирал, причём умирал не так, как мы умираем. Вот меня бы понимаю, ладно бы просто распяли тут на кафедре, да я бы такую лекцию прочитал о том, как много сделал для человечества. И соответственно, какие редиски все окружающие.

А люди, которые пришли на Голгофу, они пришли с одним желанием – какой-нибудь ещё аттракцион получить, фокус. Он же мёртвых воскрешал, кормил голодных, исцелял больных. Они пришли: «Покажи нам что-нибудь ещё, а чтобы Ты отсюда не ушёл, мы Тебя гвоздями к дереву, ко кресту». Примерно такое настроение. Причём там все собрались, не только иудеи, там язычники — римские воины — сидели. Мы там все были. И не надо думать, что это история из прошлого. А реакция Христа - помните, какая была? Он с креста молится. И это слышит единственный не струсивший ученик, самый молодой, Иоанн. Один предал, второй отрёкся, а остальные струсили и разбежались. И Иоанн слышал слова, которые Христос шепчет в молитве: «Отче не вмени им греха сего, ибо не ведают что творят». Его любовь преодолагает даже такую злобу и ненависть, такое потребительское отношение к Нему же. И поэтому даже тень греха не может омрачить его душу в момент смерти, и поэтому эту душу ад не может удержать.

Поэтому на иконе Воскресения (я вчера водил малазийцев в «Третьяковку», у них вот такие глаза были) — называется «Сошествие во ад» — Христос сходит в ад, и ад не может Его остановить. Он выводит из этого ада людей, которые там томилась. Потому что с душой Иисуса туда сходит Его Личность, а Личность в учении христианства — то, что Бог един, но в трёх лицах: Отец, Сын и Святой Дух. Поэтому ад заглатывает наживку, думая что это какой-то пророк, а оказывается — это Бог, который туда сходит и поэтому ада больше нет.

Не хотел вас огорчать. Но больше нет того ада, который был до Христа. Он его разнёс. А есть ожидание Воскресения, после которого возможно окончательное разделение человека и Бога. Разделение, которое называется второй смертью. Первая смерть души и тела преодолена Богом, Христом, на кресте, вторая смерть — наш собственный выбор. Кто читал Гарри Поттера, помнит, там есть Кингс Кросс — очень точный образ. Хочет Гарри Поттер помочь несчастному карлику, а тот не может помощь принять, в нём нет ничего, чем любить. Маленький карлик, который

не вырос, душа, которая не выросла, отказалась расти. Отец Александр Мень так объяснял ад: двери ада заперты изнутри, не снаружи. Бог никого наказать не хочет, но мы сами надеваем на себя шоры.

Буфетчик, который перекрестился

Так вот если Азazelло так себя неожиданно ведёт, это означает, что рассказывает Воланд одну историю, но сам видит совсем другую. Ту, которую Иоанн Богослов в том числе зафиксировал в своём тексте в Евангелии. Только этот крест страшен, который разорил зло, ад, смерть — и поэтому такая реакция.

Ещё одна подсказка на эту тему, которую потерял Бортко в своём фильме, и поэтому я ставлю ему жирную двойку: у Булгакова нет случайных эпизодов. Буфетчик, «осетрина второй свежести», выходит из «нехорошей квартирки», помните? И понимает, куда вляпался. Но тут его начинает «душить жаба», он забыл берет и возвращается за ним. Ему Гелла дала берет, но не его, а бесовский. Он этого не понимает, в состоянии аффекта надевает, выходит. И тут эпизод, потерянный Бортко: он обмахнулся крестным знаменем. Именно обмахнул себя. Потому что этот человек — жулик, из партии жуликов и воров. Совершенно очевидно, что в этот роман попал один из самых ярких представителей. Жулик и вор, ничего про него не скажешь. Там клейма ставить негде, но даже такого человека Господь слышит, вот это такая реминисценция из апостола Павла: всякий призывающий имя Господне спасётся.

Вот для Бога все люди — дети. Ведь какой бы там чумазый ни был ребёночек, поросёночек, мамочка всё равно его любит, понимаете? Отстирает, отмоеет, поцелует и спать уложит. Вот. Господь слышит всех, и Он приходит на помощь. После того, как буфетчик «обмахнулся» крестом, берет превращается в чёрного котёнка и убегает. А у Бортко в экранизации непонятно, отчего это происходит. Герой выходит на лестничную клетку и вдруг у него почему-то убегает с головы берет, хотя буфетчик ничего не делает.

Ещё один эпизод, третий, в котором реальность мироздания не прогибается под копытом инженера. Это — эпизод с конференсье, которому оторвали голову в театре-варьете. С потолка нахалюву сыплются деньги, всем очень нравится, конференсье требует разоблачения, ему отворачивают голову. Помните, что было дальше? В какой момент перестали измываться над несчастным конференсье, чей-то тонкий голос из ложи прокричал: «Ради Бога не мучайте его!».

Поскольку, мы чуть позднее об этом скажем, хронотоп романа, — это Страстная Седмица, очевидно, что там монахини, наверное, не было, которая сидела и молилась по четкам и вдруг решила пожалеть. Обычная какая-то светская дама, возможно, не вкладывая религиозные смыслы в свои слова, обмолвилась: «Ради Бога, не мучайте его». Но Воланд все понимает буквально. Отсюда знаменитое предисловие монашеское. Жалуется монах-послушник старцу, что Псалтырь не понимает. Старец ему отвечает: «Ты читай, бесы все понимают». Воланд все понял и дает знак — голову на место, конференсье обретает голову, Воланд исчезает, потому что даже человеческое сочувствие, жалость, имя Божье, которое здесь прозвучало, для Воланда — повод удалиться.

Когда вторгается зло?

4 эпизод – Воланд уже начинает ругаться. Помните, где Воланд ругается у Булгакова после бала у сатаны? Здесь, кстати, я не согласен с интерпретацией отца Андрея Кураева. После бала у сатаны Маргарита просит простить Фриду. Не простить, а именно не подавать ей платок. Прощать Воланд не может. И Воланд говорит, что в этой комнате надо все щели заткнуть тряпками. «Именно тряпками, мессир», — подвывает Бегемот из-под дивана. У Маргариты вот такие глаза, она не понимает, что происходит, и тогда Воланд поясняет: «Потому что сюда прокралось милосердие». Вот это очень важная мысль. Даже просто человеческая любовь, сострадание, милосердие, сочувствие, забота способна противостоять духовному злу.

Другое дело, что Маргарита ведома не милосердием. Когда Воланд это понял, он успокоился. Маргарита должна, простите, за базар отвечать. Она королева и сказала, что походатайствует. Сама Маргарита ведет себя довольно безнравственно, прямо скажем, советуя Фриде напиться пьяной. Фрида ребеночка убила. Прощения просить надо, а она вместо покаяния предлагает ей гулять. Но реакция Воланда показывает, что его история про Мастера и Иешуа Га-Ноцри и реальность существенно не совпадают.

И последний 5 эпизод, мы о нем немножко уже сказали, когда Бездомный предлагает Канта на Соловки, Воланд говорит очень интересные слова. Он говорит, что это неисполнимо, потому что Кант находится ныне в местах, извлечь из которых его решительно не предоставляется никакой возможности. По-моему, я точно процитировал. Это при том, что свою сволочь на балу Воланд из камина вытаскивает мановением когтя. В этом романе Булгакова есть неназванные измерения, пространства, где Христос и Евангелие, где Царствие Божье, куда никто из этого паноптикума, видимо, не войдет. Может, старушка-кухарка, рудимент веры.

Вот это неузнанное, неведомое измерение любви такими обмолвками в романе повествует и умному читателю все говорит. Так же, кстати, как в текстах Толкиена, в его совершенно замечательном «Властелине колец» тоже есть неназванный Промысл. Отдельная история – как это сделано. Сейчас не будем этого касаться.

При этом зеркальным отражением этой мысли, этой темы является вторжение сил зла в жизнь людей. Им всегда в романе Булгакова предшествует либо прямое призвание зла, либо богохульство. Смотрите, «Черти бы меня побрали», — говорит бюрократ. По-моему, Бегемоту он это говорит. «Это можно», — отвечает ему Бегемот. Остался костюм подписывать бумаги. Просили – пожалуйста. Маргарита: «Черту я бы заложила свою душу, чтобы узнать, где Мастер». Это она сидит на скамеечке, размышляет, в это время на всякий случай флиртует. Поэтому гипотеза о великой любви Маргариты не выдерживает никакой критики. В ответ на это появляется Азazelло с золотой коробочкой мази.

Наконец, звуковой рефрен в романе. Помните, фокстрот «Аллилуйя». Он трижды звучит в романе. Он звучит в доме профессора по раковым болезням, его дочь пластиночку ставит, и залетает воробушек, который начинает гадости творить после этого. Он звучит «У Грибоедова», в ресторане, и после этого ресторан сгорает. И, конечно, под него пляшут на балу у сатаны. Так вот, этот фокстрот реально был написан в 1930-е годы в США. Это была пародия на мессу композитора Юманса

Винсента. Об этом пишет Виктор Лосев, один из очень авторитетных булгаковедов. Он раскопал, может быть, у кого-то взял эту информацию. Тем не менее, это реальная музыка, а люди, которые пляшут под переделанную Литургию, высказывают свое отношение к тому, что происходит на Литургии.

Далее очень важный момент – после смерти Мастера и Маргариты. В нашем городе, который был испорчен квартирным вопросом весьма и весьма, дача за городом, фазенда – мечта любого интеллигента, любого очкарика, в том числе и меня. Однако в романе Булгакова все гораздо печальнее. Мы видим очень красивую обертку, в которой весьма неприглядное содержание. Смотрите, что происходит. Они покидают Москву. Помните, в какой день недели? В субботу. В канун Пасхи. То есть, до Пасхи Мастер в Москве не остается. Воланд забирает свое отсюда – Мастера и Маргариту.

Обман в красивой обёртке

Что за чертой смерти они обнаруживают? Они обнаруживают продолжение истории про Иешуа Га-Ноцри. Вот эти образы обретают некое бытие, пусть человек дал это бытие, но, тем не менее, вторичное бытие, как хотите. И этот сюжет завершается.

Причем Булгаков подсказывает умному читателю: это не про Христа Евангелие, это не про Христа Церкви. Это именно картинки из книжки. Несколько моментов укажу. «12 тысяч лун прошло с момента их последней встречи». На момент, когда был написан роман, прошло 22 тысячи лун. И Булгаков специально выписывал эти цифры, чтобы подсказать: это разные истории. Не изменился ни образ Иешуа Га-Ноцри, ни Понтия за эти 12 тысяч лун. И вот этот сюжет завершается. Мастер отпускает свой сюжет, но самое печальное происходит потом. Воланд говорит, что «больше образ Иешуа Га-Ноцри не будет тебя беспокоить». Даже такого рудиментарного воспоминания о Христе больше у Мастера не будет. Сам Мастер признается в полной творческой импотенции. «Я больше ничего не смогу написать», — говорит он немногим ранее.

Далее Маргарита с Воландом начинают рассказывать Мастеру о загородном имении. Мастер и словом не подтверждает, видит он это или нет. Это ему рассказывают. А что там будет происходить? Давайте посмотрим внимательнее. Например, там будет звучать музыка Шуберта. Вы ее уже слышали в романе? Она там прозвучала, когда Варенуха звонит в «нехорошую квартиру» и слышит бас, который поет «Черные скалы». Это слова из романса на музыку Шуберта, и слова следующие: «Черные скалы – вот мой приют». Неслучайно этот автор — не Бах, не Гендель, не Бетховен, не Чайковский. Шуберт будет звучать там, где окажется Мастер, в той вечности, которая ему предстоит.

Маргарита говорит о зацветающих вишнях. Это уже трагедия Маргариты, потому что это символ любви, но у этой любви не будет плодов. А реальная человеческая боль Маргариты, живой Маргариты - помните, какая? Помните, она летит на метле, высаживает окна в доме критика Латунского, натывается на 4-летнего ребеночка, мальчика. И рассказывает ему: «Жила-была тетя, у нее не было детей, она стала злая». Ее бездетность – это боль ее души. Об этом Кураев замечательно пишет. Он как раз анализирует образы этих персонажей.

Конечно, для Булгакова Маргарита – это ведьма, и все, что происходит с Мастером, — это последствия его выбора в пользу зла. Помните, он находит лотерейный билет? 100 тысяч. А не помните, где он его находит? В корзине с грязным бельем. В ранних рукописях даже номер билет указан – 13-й. Это подарочек от Воланда, равно как и Маргарита. Любовь, которая как убийца возникла.

Вы все представляете Л.Н.Толстого, который любил Наташу Ростову. Можете ли вы себе вообразить, чтобы он написал о Наташе «она оскалила зубы»? А Булгаков пишет и о Маргарите, и о Мастере, что они оскалили зубы. Я уже сказал о том, как Маргарита флиртовала с проходящими мимо скамеечки молодыми людьми.

Понырев (Бездомный), человек, который за 4 года стал профессором. Такое было возможно. На ниве научного атеизма можно было стать профессором, ничего не защищая, с багажом знаний Бездомного. Других путей не было. Поэтому для Булгакова это отнюдь не герой, который что-то преодолел. Он наоборот, прекрасно поплыл по течению. Но Понырев видит реальное состояние Мастера. Помните, что Иван увидел при луне? Блуждающий взор, весьма печальное зрелище, я бы сказал, душераздирающее.

Господь, по мысли Булгакова, все равно дает человеку знания, открывает ему будущее. Если речь идет о таких вещах, Маргарита во сне видела будущее, в котором они могут оказаться. Унылая местность, изба, деревянные строения, напоминающие избу. Не помните, откуда это? Это ужас Свидригайлова — в бане с пауками. Вот это строение, в котором они будут вечность куковать, если вы сопоставите эти тексты, оно вписано именно в этот ландшафт. Поэтому, подводя некий итог: в романе Булгакова нет положительных героев. Никем он там не восхищается и не восторгается. Говорит очень жесткие и резкие вещи, горькие, потому мало людей, желающих эти вещи понять. Тем не менее, они там есть. Нравится нам это или нет – это уже другой вопрос.

Очень бы хотелось, чтобы Михаилу Афанасьевичу Булгакову все-таки удалось сказать нам эти вещи. Этих контекстов гораздо больше, я предложил некую часть для размышлений. Наша задача – поднимать и вводить в научный, культурный, журналистский оборот.

Эта книга гораздо интереснее, чем можно было предположить, читая скучные школьные и вузовские учебники. Поэтому я призываю вас читать книги и стараться их как-то анализировать, заглядывать между строк глубже, дальше.

Люди в штатском

Можно я вам расскажу один «неполиткошерный анекдот»? Был такой замечательный батюшка, отец Виталий Боровой. Он был яркий проповедник, много писал в разных, в том числе зарубежных, изданиях. За это КГБ решило его упрятать, потому что он совершенно не вписывался в их планы по зачистке страны от верующих и от христианской веры. А батюшка был замечательный, про него рассказывают такую байку. Великий пост, к нему приходят люди, говорят: «Батюшка, мы работаем в оборонке. Там КПП, выйти и зайти нельзя, в столовке постного нет. Что делать?» Он говорит: «Чадо, ты все ешь, только людей не ешь».

Я не помню, женат он был или не женат, но факт тот, что нордический характер – весьма ехидный, твердый, стойкий, веселый. И вот этого человека решили изолировать от страны. Но его закрыли не на севере, а — посадили в золотую клетку – представителем Московской Патриархии при Всемирном Совете Церквей. Но там на каждого священника, понятно, по два человека в сером, в штатском, манеры которых чем-то напоминают манеры нынешнего премьер-министра.

Во время пресс-конференции «Положение Церкви в СССР», его журналисты спрашивают: «Батюшка, а расскажите об отношениях Церкви и государства в СССР». А рядом с батюшкой — два вот этих в сером стоят. Священник отвечает: «Как мы к ним относимся? Мы за них молимся. А как они к нам относятся, вы у него спросите», — и показывает на гражданина в штатском.

Тем самым, характер этого человека вы представляете. И его угораздило попасть в историю. Есть такая байка, легенда, про прием у Папы Римского Иоанна Павла Второго. Естественно, «маленький булжничек» он с собой в кармане большой просторной рясы прихватил. У него был один вопрос, согласно этикету, он его задал. Вопрос звучал так: «Святой отец, ведь будет же Страшный суд, и Господь вас спросит, а действительно ли вы верили в вашу папскую непогрешимость. Что вы ему ответите?» Папа – дипломат, опять же, христианин, он говорит: «Что я скажу? Господи, это была такая традиция, она была до меня. Я просто сохранил то, что было до меня, потому что никто не ставил вопроса, чтобы поменять». И тогда ему отец Виталий ставит мат в один ход. Он ему произносит: «А вы знаете, что вам Господь скажет? Посылал Я тебе отца Виталия, что ж ты его не послушал?».

Отсюда у меня есть коварное предположение, я бы даже сказал, уверенность в том, что когда в вашей жизни наступит момент истины, и совесть вас возьмет в свои когтистые лапы или после смерти Господь вас спросит: «Родной мой, что ж ты творил?», и вы сразу: «Мы не знали, не слышали, нас никто не предупреждал». Но вы ведь понимаете, что вы услышите в ответ? «Посылал же Я вам этого зануду в очках, что же вы его не послушали?»

На этой оптимистической ноте я предлагаю перейти к вопросам. Меня можно не бояться, я уже пообедал, пожалуйста.

- Батюшка, скажите, пожалуйста, что для вас Настасья Филипповна?

- Настасья Филипповна – это, если позволите, эпицентр любви. С одной стороны, очень изломанная, жуткая судьба. С другой стороны — душа, несомненно, живая, которая страшно переживает и страдает из-за этого. В ней — нравственная рефлексия. У Маргариты этого нет. Она один раз буквально или два раза в течение всего романа вдруг начинает говорить языком боли. А Настасья Филипповна – это открытая рана. Поэтому я бы все-таки такую параллель здесь не усмотрел, и Александр Леонидович Дворкин тоже ее здесь не видит.

- Вы еще не сказали про момент, когда Матвей от имени Иешуа просит Воланда взять Мастера с собой. Почему так?

- И Воланд говорит, что прощать – это не его компетенция. Опять же, если позволите, упомянутый нами отец Андрей Кураев ссылается именно на это место, где говорят о том, что вопрос «Что делать? Как наказывать Pussy Riot, которые в

храме вели себя неподобающим образом» — это не в компетенции Православной Церкви. Это не наша компетенция. Наша компетенция – прощать. Так вот, по версии отца Андрея Кураева, и его гипотеза, близка мне: литературные образы могут приобретать некоторые реальные черты в пространстве творчества. В данном случае Левий Матвей – это такой персонаж, который выявляется вот здесь рядышком совсем, на доме Пашкова, обращается к Воланду. Кстати, очень важный момент, спасибо, что вы спросили. Помните, что происходит на этой крыше? Там шпага воткнута, и тень от шпаги ползет тень к носку ботинка Воланда. Отец Андрей очень точно здесь находит параллель.

В «Фаусте» есть такой эпизод, когда брат Маргариты Валентин вызывает Мефистофеля на поединок, начинается схватка. Но Мефистофель – это дьявол, и поэтому шпага Валентина ломается. Валентин — опытный боец, он понимает, что перед ним не человек. Помните, что он тогда делает? Он берет обломок шпаги, эфес и идет на Мефистофеля. Обломок шпаги – это крест. И Мефистофель убегает. А Воланд смотрит, как к носкам его ботинка ползет тень от креста, от шпаги. Где это происходит? Совсем рядом, дом Пашкова, с которого видна эта яма, руины Храма Христа Спасителя. Для Булгакова неслучайны здания в Москве, это, если хотите, смысловая доминанта Москвы. Помните его «Записки на манжетах», там «блики от куполов Храма Христа Спасителя скользили по Москве». Во многих текстах встречается образ Храма Христа Спасителя. И отсюда известная метафора: свято место пусто не бывает. Поэтому Воланд, сидя в обезбоженной Москве, с крыши смотрит, как к его ноге скользит тень креста.

- Вы сказали, что не согласны с Андреем Кураевым по поводу эпизода с платком Фриды.

- Кураев говорит о том, что это нельзя рассматривать как аргумент в пользу бессилия Воланда против любви, потому что у Маргариты ее нет. Мой тезис следующий: у Маргариты любви нет действительно, у нее нет сострадания. Но Воланд проявляет свое бессилие, потому что существо, которое может забросить Степу Лиходеева в тридевятое царство, даже не он сам, а его подручный, вдруг начинает нервничать из-за того, что кто-то мог проявить сострадание, любовь, милосердие. Там, где эти чувства есть, там нет места для дьявола. Поэтому пространство промысла гораздо шире пространства Церкви. И отсюда надежда для всех людей встретить Бога, Христа за чертой смерти и не быть осужденными.

Об этом пишет апостол Павел, что христиан будут судить по всей полноте знаний, которые у нас есть, иудеев мягче, потому что они далеко не все знали, а язычников или людей неверующих по тому, следовали ли они совести, которая подсказывала им, как надо и как не надо. То есть, это будет суд любви, он будет несправедливым. Очень важно понимать, что в христианстве суд несправедлив.

Если вы увидите фреску «Страшный суд», обратите внимание, что иконописец не знаком с законом гравитации. Там будет картинка примерно такая: весы, десница, несчастный человек, который стоит перед этими весами, слева от него бесы и вот тут горы грехов. А справа от человека милостыня, которую он подал. И вот эта милостыня перетянет все самые ужасные грехи. Физика такого объяснить не может, но это как раз тот самый образ, который перекошил крест. Видели, крест православный несимметричен, нижняя перекладина косая? Два разбойника, оба негодяи, но у одного из них хватило ума понять, что надо не улюлюкать вместе с

толпой, понять, что рядом праведник, и если у кого-то есть возможность что-то Богу сказать, то у праведника точно. Он говорит: «Помяни меня, когда будешь в раю».

Христос не отвечает на все издевательства разбойника, который был слева, никак не реагирует, а тому, который справа, ответил: «Ныне будешь со Мной в раю». Отсюда — косяя перекладина креста. Символ того, что, казалось бы, такие ужасные люди, казалось бы, разбойники, террористы, если на наш язык перевести, или братки, могут полностью покаянием обновить свою душу. Произвести полный апгрейд собственной души – стать совершенно другим, вот за эти несколько часов агонии страшной смерти, и войти в царствие Божие. Отсюда пронзительные слова Николая Степановича Гумилева, расстрелянного большевиками в двадцать первом году:

И умру я не на постели,

При нотариусе и враче,

А в какой-нибудь дикой щели,

Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,

Протестантский, прибранный рай,

А туда, где разбойник и мытарь

И блудница крикнут: вставай

То есть, раз туда в рай вошел первый разбойник, значит, у нас тоже есть некая надежда. Но можно и разминуться. Тут каждый свободен.

- Если Воланд забирает Мастера и Маргариту, у них не было надежды, что Бог их простит?

- Они сами от нее отказались. Они сами себя замуровали в мире, в котором не было спасения. Иешуа Га-Ноцри – всего лишь карикатура на те смыслы, о которых говорит Евангелие. Мастер, кстати, по профессии служитель музея, музея атеизма. В те годы служить в музее атеизма – это отречение от всех заветов Белой Гвардии, старой Руси, которые были так близки Булгакову. Поэтому Мастер для него не положительный герой.

- Получается, что князь Мышкин тоже неположительный герой?

- Князь Мышкин – это жертва Л.Н.Толстого. Он кончает фиаско, полным безумием. Его появление в этом мире вызывает ответную агрессию. Дон Кихот, который размахивает шпагой, бросается на мельницы, провозглашает какие-то ходульные банальные истины. Конечно, не все люди добрые. Что, Чекатило добрый человек? Или Гитлер? Конечно, нет. Если отмотать на 100 лет назад, таких героев было и тогда много, а тем более после гражданской войны. Поэтому — полное фиаско. Полным фиаско завершается и миссия князя Мышкина. И это диагноз теории

Л.Н.Толстого. Такой Иисус никого бы не спас и ничего бы не изменил в этом мире. Изменил только Тот, Кто смог войти в смерть и сломать ей хребет в этой схватке.

Есть потрясающие стихи Тимура Кибирова о Христе, Который идет навстречу смерти, и она жутко боится.

- Какие у вас есть аргументы, чтобы подтвердить, что эти события происходят на Страстной Седмице? И второй вопрос: почему на могиле Булгакова нет креста?

- Второй вопрос очень простой, известный. Сохранилась записочка, написанная за две недели до смерти Булгакова о его здравии его прислугой, которая подала записку в храм. И потом жена Елена Булгакова в страшные дни, когда Мандельштам был арестован, и от Надежды Яковлевны Мандельштам отвернулись почти все в Москве, она была одна из буквально нескольких человек, кто помог Надежде Яковлевне собрать посылку поэту. Помните, он бросил вызов Сталину «Мы, живем, под собою не чуя страны...». Причем они сами были под топором палача: Булгаков уже был ошельмован, лишен всего, болен, и она не побоялась.

Булгаков умирал тяжело: он ослеп, почки, — наследственное заболевание. И вот прислуга подавала записки о его здравии. И, конечно, Булгаков это знал, и сама Елена Сергеевна это знала. Поэтому по Булгакову мы совершаем панихиду — в храме святой Татьяны и в других местах. Мы начали это несколько лет назад делать. Поэтому совершенно неважно, есть ли крест. На Колыме если не миллионы, то сотни тысяч точно лежит людей, и там не то, что креста, там могил нет, там рвы. Ну и что теперь? От этого они не стали дальше от Бога.

Что касается хронотопа, я сейчас уже не буду вас пытаться им, но я переадресую вас к упомянутой книжке отца Андрея Кураева. Она называется «Мастер и Маргарита: за Христа или против». Там есть большой раздел со всей аргументацией. И эта тема разработана в ряде булгаковедческих исследований последних десятилетий. Там тоже можно посмотреть. Если наложить события, происходящие в эти несколько дней в романе Булгакова, на Страстную, получаются интересные вещи. И там есть Страстная Пятница, Страстной Четверг – Варьете. Воланд дает спектакль. Воланд, сатана – это ведь обезьяна Бога. Старая европейская пословица здесь срабатывает. Я полностью не отвечаю, но ссылаюсь на тех, кто работал над этой темой до меня.

- Скажите, что вас привело к уходу в Церковь?

- Меня Церковь перевела на журфак. Я собирался поступать на физфак МГУ, у меня отец физик, доктор наук. Его аппарат лежит на Марсе. Вернее, часть аппарата, сделанная им, который американцы запускают. И он видел меня там же. Я не могу сказать, что не видел себя там, но не чувствовал призвания. И когда отец Андрей Кураев, референт тогда Святейшего патриарха Алексия здесь по договоренности с Ясеном Николаевичем Засурским создавал группу церковной журналистики, он меня переубедил, я бы даже сказал, перевербовал месяца за 3 до поступления.

Я каким-то образом с трудом выучил английский язык, потому что на физфаке он был не нужен, и пошел сюда. До 4 курса не считал, что это мое, но ходил на все занятия через пень-колоду, старался учиться. Параллельно еще поступил в

православный университет, потому что не хватало базовых знаний, потом еще на философском доучивался в аспирантуре.

На 4 курсе мне отец Алексей Уминский, ведущий «Православной энциклопедии» говорит: «Слушай, тут какие-то странные вещи происходят. Сексуальное просвещение в школах. Надо писать». Я говорю: «Это такая грязная тема. Неужели я все это буду делать?» Он говорит: «Надо». Но решил этого не делать. Я поехал к отцу Николаю (Гурьянову) на остров. Это ныне почивший старец, прозорливый. Я говорю: «Хочу с журфака уходить, там скучно, неинтересно. Зачем это мне?» Я думал, сейчас возьмет палку и меня прибьет, потому что это самые тяжелые годы для России, 93-94 год. Он говорит: «Нет, это нужное дело». А через полгода меня уже в моем храме ловит отец Алексей и говорит, что надо всё-таки писать. Я говорю: «Да нет, не буду, пойду духовником». Духовник произнёс: «Нет, это нужное дело – писать про вот это безобразие».

Начал писать, подсел, стало что-то получаться, в итоге какие-то вещи изменились. Правда, прошло 15 лет. Принят закон, который ограничивает аборты. Тогда мы не дали ввести это сексуальное просвещение по западному жуткому образцу в наши школы. То есть, не только меня Церковь сюда привела, она меня еще и втолкнула в профессию. У меня в мыслях не было, что буду что-то где-то писать или на каких-то экранах рассказывать. И сейчас я это воспринимаю как послушание.

Спасибо.

Текст подготовила Оксана Головки

Фото: пресс-служба Миссионерской комиссии при Епархиальном совете г.Москвы

Материал взят с сайта «Православие и мир» (<http://www.pravmir.ru>)

Автор: Иеромонах Димитрий (Першин), председатель Миссионерской комиссии при Епархиальном совете г. Москвы, старший преподаватель кафедры биомедицинской этики Российского Государственного Медицинского Университета